

DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-1-55-64

Дата: поступления статьи / Submitted: 18.12.2019
после рецензирования / Revised: 10.02.2020
принятия статьи / Accepted: 21.02.2020

Научная статья / Scientific article

С.С. Наумов

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

E-mail: naumov_s_s@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7256-4708>

Эпистолярное наследие как источник по изучению проблем трансформации коллективной памяти

Аннотация: Цель статьи – выявление и анализ исторических сюжетов, актуализированных в пространстве коллективной памяти жителей крупных сибирских городов (Омск и Новосибирск) в условиях демократических преобразований в стране и обществе в 1985–2000 гг.; для реализации этой цели автор поставил следующие задачи: установить факторы эволюции коллективной памяти, возникшие в рассматриваемый период; выявить новые особенности трансляции памяти о прошлом; раскрыть этапы и содержание рефлексии жителей крупных городов Западной Сибири на тему исторического прошлого, учитывая трансформации, происходившие в сфере коллективной памяти. Проблемы изучения коллективной памяти современного российского общества, политика памяти, факторы манипуляции историческим сознанием не первый год вызывают острые научные и публицистические дискуссии. Информативным в силу своей массовости источником по изучению трансформаций коллективной памяти являются письма граждан как отклик на различные опубликованные материалы, касающиеся истории страны. Актуальность данной темы обоснована необходимостью понимания процессов, в результате которых формировались представления жителей постсоветской России о прошлом. Научная новизна заключается в анализе ранее не востребованных архивных источников, иллюстрирующих процесс эволюции взглядов «простых» людей на общероссийскую историю и непосредственно историю Сибири. Исследование выполнено в рамках проблемного поля *memory studies*, которому свойственны разработки новых междисциплинарных методов и подходов при изучении специфических особенностей коллективной памяти, а также практик исторической политики; были также использованы традиционные ретроспективный и генетический методы исторического исследования. На основе обращения к омским и новосибирским материалам делается вывод о схожести актуализированных в годы перестройки и постперестроечный период сюжетов на тему коллективной памяти. В первую очередь это события революции и Гражданской войны в России, события периода 1920–1930-х гг., Великой Отечественной войны, но вместе с тем нехарактерное для коллективных представлений о прошлом «до 1985 года» обращение к дореволюционной истории, а также высокая степень акцентирования внимания на проблемах современности в их «привязке» к историческим фактам. Трансформации представлений о прошлом в 1985–1990-е гг. характеризуются как глобальные, послужившие толчком к пробуждению гражданской активности общества. Определяются этапы усиления и ослабления интереса людей к историческим сюжетам в зависимости от различных политических и социально-экономических факторов.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, коллективная память, символическое пространство, Сибирь.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00329.

Цитирование. Наумов С.С. Эпистолярное наследие как источник по изучению проблем трансформации коллективной памяти // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 1. С. 55–64. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-55-64>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

S.S. Naumov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

E-mail: naumov_s_s@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7256-4708>

Epistolary heritage as a source for studying the problems of transformation of collective memory

Abstract: The purpose of the article is to identify and analyze historical stories that were updated in the space of collective memory of residents of large Siberian cities (Omsk and Novosibirsk) in the conditions of democratic transformations in the country and society in 1985–2000; to achieve this goal, the author set the following tasks: to establish the factors of evolution of collective memory that arose during the period under review; to identify new features of translation of memory about the past; to reveal the stages and content of reflection of residents of large cities of Western Siberia on the theme of the historical past, taking into account the transformations that took place in the sphere of collective memory. The problems of studying the collective memory of modern Russian society, the politics of memory, and the factors of manipulation of historical consciousness have caused acute scientific and journalistic discussions for several years. An informative (due to its mass character) source for studying the transformations of collective memory is the letters of the citizens of the country as a response to various published materials related to the history of the country. The relevance of this topic is justified by the need to understand the processes that led to the formation of the views of residents of post-Soviet Russia about the past. The scientific novelty lies in the analysis of previously unclaimed archival sources that illustrate the process of evolution of the views of «ordinary» people on Russian history and, directly, the history of Siberia. The research was carried out within the framework of the problem field *memory studies*, which is characterized by the development of new interdisciplinary methods and approaches in the study of specific features of

collective memory, as well as practices of historical policy; traditional retrospective and genetic methods of historical research were also used. Based on the reference to Omsk and Novosibirsk materials, we conclude that the stories on the theme of collective memory that were updated in the years of perestroika and the post-perestroika period are similar. First of all, these are the events of the revolution and Civil War in Russia, the events of the period of the 1920-ies–1930-ies, the Great Patriotic war, but, at the same time, uncharacteristic for collective ideas about the past «before 1985», an appeal to pre-revolutionary history, as well as a high degree of emphasis on the problems of modernity in their «binding» to historical facts. Transformations of ideas about the past in the 1985–1990-ies are characterized as global, which served as an impetus to the awakening of civil activity in society. The stages of strengthening and weakening of people's interest in historical subjects are determined depending on various political and socio-economic factors.

Key words: epistolary heritage, collective memory, symbolic space, Siberia.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project № 18-09-00329.

Citation. Naumov S.S. Epistolary heritage as a source for studying the problems of transformation of collective memory. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2020, vol. 26, no. 1, pp. 55–64. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-1-55-64>.

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Сергей Сергеевич Наумов – аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, 644077, Российская Федерация, г. Омск, пр. Мира, 55 а.

© Sergey S. Naumov – postgraduate student of the Department of Modern Russian History and Historiography, Dostoevsky Omsk State University, 55 a, Mira Avenue, Omsk, 644077, Russian Federation.

Введение

Причины произошедшего в исторической науке на рубеже 1980-х – 1990-х гг. «мемориальной бума» сегодня принято трактовать в самом широком контексте. Интерес к мемориальной истории, восприятию отдельными людьми и целыми обществами событий прошлого связывают с развитием философии экзистенциализма, подъемом антиколониальной борьбы, технической революции, противостоянием глобализации и антиглобализма и др. Данные проблемы рассматриваются в рамках подхода, известного как memory studies [Gedi, Elam 1996; Confino 1997; Radstone 2008; Olick, Sier, Wuestenberg 2017; Ассман 2004; Ассман 2014]. В последние два десятилетия он получил широкое распространение и обрел популярность и среди российских ученых [Кознова 2003; Репина 2003; Савельева, Полетаев, 2005; Леонтьева 2011; Черников, 2016; Шуб 2018]. Усиление интереса к исследованиям памяти пришлось на период кардинальных политических и социально-экономических изменений в жизни страны. Сегодня можно говорить о том, что memory studies прочно закрепились в проблемном поле отечественной гуманитаристики.

Несмотря на всю «непрочность» концепций памяти и не слишком продолжительную в российской науке историографическую традицию, в последние годы, помимо отдельных монографий и статей, стали появляться и учебные пособия, посвященные одному из самых динамично развивающихся исследовательских полей. Историк из Европейского университета Санкт-Петербурга Ю.А. Сафронова приводит основные черты коллективной памяти, такие как социокультурная конструкция, функциональность, разнонаправленность создания, необходимость конкретизации изучения: «(Коллективная) память – это концепция, имеющая дело с довольно абстрактными идеями. Для того чтобы она стала функциональной, необходимо выбрать конкретный объект анализа и по-

ставить такие исследовательские вопросы, для ответа на которые эта концепция действительно будет полезна» [Сафронова 2019, с. 32–33].

Исследования в области коллективной памяти включают широкий и разнообразный спектр источников. По мнению современных исследователей, огромное влияние на возникновение и развитие «мемориального поворота» оказал, как уже упоминалось, фактор научно-технической революции, обеспечившей создание новых средств фиксации, хранения и воспроизведения информации. Появление персональных компьютеров и Интернета, развитие электронных масс-медиа и социальных сетей ускорили и углубили этот процесс. Трансляция в информационное пространство представлений о прошлом перестала быть прерогативой узкого круга профессионалов и стала доступна практически каждому человеку. Но даже если мы методологически очерчиваем возможный круг «аккумуляторов» и «передатчиков» коллективных представлений о прошлом с помощью формальных критериев (принадлежность к определенной социальной группе, уровень образования и т. п.), то при этом невозможно отрицать наличие феномена «обратной связи», масштаб, специфику и значение которого еще предстоит изучить исследователям.

Важно заметить, что в нашей стране электронные средства массовой коммуникации получили широкое развитие с небольшим отставанием от стран Европы и Америки. Поэтому основным источником изучения феномена «обратной связи» в рамках процесса трансформации коллективной памяти о прошлом служит эпистолярное наследие (в большей мере это письма в газеты и журналы, на радио и телевидение). В настоящее время российское источниковедение уделяет эпистолярным материалам значительно меньше внимания, чем другим видам источников. «Несмотря на то что большие комплексы эпистолярных источников опубликованы, а отдельные письма часто ис-

пользуются в исследованиях, работы, в которых переписка изучалась бы как исторический источник и предлагалась методика ее анализа, немногочисленны» [Кобак 2012, с. 142]. Применительно к сибирскому материалу подобных работ еще меньше. Однако в условиях практик междисциплинарных исследований к историческому потенциалу эпистолярного наследия обращаются не только историки, но и философы, филологи, культурологи. В этом контексте весьма интересен коллективный труд иркутских исследователей под руководством М.Я. Рожанского [Письма об истории и для истории 2014], обратившихся к анализу неопубликованных писем из архивов ряда сибирских и московских изданий, ставших сегодня частью архивного фонда Центра независимых социальных исследований и образования (ЦНСИО, г. Иркутск).

Некоторые трудности в работе с эпистолярным наследием отмечала Н.Н. Козлова, назвавшая этот источник, по аналогии с живописью, «наивным письмом»: «...в нашей культуре не сложилась пока традиция относиться к наивному письменному тексту так же, как мы относимся к наивной живописи» [Козлова, Сандомирская 1996, с. 10]. Учитывая эти сложности, мы оставляем за собой право сосредоточиться на отдельных исторических сюжетах, не претендуя при этом на глобальные обобщения. В рамках проводимого нами исследования мы обращаемся к истории перестройки и постперестроечного периода (1985–2000 гг.) в интересующем нас контексте развития механизмов и выбора акторов гласности, оказавших влияние на трансформации коллективных представлений общества о прошлом. При этом социальная история перестройки также вызывает наш интерес. Поэтому круг задействованных источников будет ограничен по большей части неопубликованными письмами читателей.

Заявленная цель работы в данный момент нуждается в одной существенной оговорке. Основная масса источников, к которым мы обращаемся, относится к периоду 1980-х – 1990-х гг. Она не сохранена (за редким исключением) на электронных носителях, большая часть писем малодоступна. Архив газеты «Советская Сибирь» (г. Новосибирск) за 1980-е – 1990-е гг. передан на хранение в Государственный архив Новосибирской области (ГАО) и доступен для исследователей, хотя доступ частично ограничен Федеральным законом «О персональных данных». Фонды газет «Омская правда» и «Вечерний Омск» (г. Омск), содержащие материалы эпистолярного наследия, носят ведомственный характер, они не передавались в архивы. В силу этого ряд аспектов заявленной темы освещен нами неравномерно, а сделанные выводы носят промежуточный характер. При этом, вынужденно уходя от сравнительной характеристики пространства памяти Омска и Новосибирска, мы уделяем внимание общероссийским сюжетам, что позволяет нам обозначить основные составляющие потенциала эпистолярного наследия как источника по изучению коллективных представлений о прошлом.

Основными источниками данного исследования послужили не публиковавшиеся ранее документы личного происхождения, хранящиеся в государственных архивах Омска и Новосибирска. Приводимые в статье письма являются историческим источником, поэтому при цитировании сохранены авторская орфография и пунктуация. В статье приводятся и имена авторов писем, которые сочли нужным подписаться (некоторые фамилии не приводятся не по причине анонимности авторов, а из-за невозможности узнать их в настоящий момент), поскольку данные источники не относятся к частной переписке, а адресованы в значительной степени в массовые издания в расчете на их публикацию.

Основная часть

С началом перестройки и последующим постепенным ослаблением жесткого идеологического контроля государства над жизнью общества изменились формы подачи информации, в том числе на тему истории страны. Пришли новый стиль и язык, изменилось «лицо» советской журнальной и газетной периодики. Освобождающаяся от внешнего диктата, цензуры перестроечная публицистика фактически сформировала новый социальный дискурс и стала как никогда востребованной широкими массами людей.

Отечественная публицистика в условиях начавшейся политики гласности не могла оставаться в стороне от обсуждения важнейших вопросов жизни страны. На страницах периодики начали обсуждаться проблемы «дряхлости», казалось, ранее незыблемых идеологических конструктов, советская историческая мифология, исторические «травмы» общества. Газетные и журнальные полосы во второй половине 1980-х гг. превратились в трибуну для представителей советской гуманитарной интеллигенции, являвшихся трансляторами коллективных представлений о прошлом. Эта особенность гласности как социального явления породила феномен бесстрашного читательского отклика, сопровождавшегося неудержимым потоком писем в СМИ. «В переходный период перестройки и гласности многочисленные письма читателей в редакции периодических изданий, на телевидение и радио представляли сиюминутную, непосредственную реакцию на внешние высказывания. Они были массовым выражением не проявленной прежде человеческой субъективности. Через них происходило мощное вторжение индивидуальной памяти отдельных людей в пространство публичной полемики» [Письма об истории и для истории 2014, с. 41–42].

На ранних этапах перестройки, в период в большей степени декларативной демократизации 1985–1986 гг., круг основных тем и проблем был еще не оформлен. Но на более зрелых стадиях, когда бывшие безальтернативные структуры подверглись деформациям и трансформациям, главные полемические блоки коллективной памяти

уже виделись четче. После 1991 г. поле коллективной памяти лишилось последних ограничений, но в этот же период наблюдается и общий спад интереса к истории. По крайней мере, так видится, если избрать в качестве критерия интереса источники эпистолярного наследия.

Авторский нарратив писем 1980-х – 1990-х гг. применителен к людям разных поколений, социальных слоев, образования, различных взглядов на прошлое и настоящее. Круг вопросов, формирующийся на основе этих источников, сложно объединить в какой-либо унифицированный проблемный перечень. Мы рассмотрим несколько наиболее показательных сюжетов, нашедших отражение в материалах сибирской периодики и архивах изданий.

Одной из ключевых тем, затрагиваемых читателями 1980-х гг., стала оценка сталинского периода советской истории (1920-е – 1950-е гг.). Осуждение сталинизма явилось важной составляющей государственной идеологической политики, а значит, и повлияло на политику памяти. Ключевой тезис перестройки – понять и совершенствовать новый мир может только сознание, освобожденное от сталинского мышления.

Прорвавшаяся на страницы периодических изданий информация о сталинских временах продемонстрировала, что десталинизация 1950-х – 1960-х гг. оказалась «половинчатой». Период «застоя», о котором заговорили новые лидеры государства, отныне связывался с наследием сталинизма. Страшная правда вышла за пределы персональной, «кухонной» памяти, и о событиях прошлого заговорили как о преступлениях, которые только предстоит раскрыть и осудить. Распространенным сюжетом читательских писем становится описание эпизодов из личного тюремно-лагерного опыта или рассказов родственников и знакомых о сталинских репрессиях. При этом письма зачастую содержат не только свидетельства, но и оценку, заявление.

Один из читателей газеты «Советская Сибирь» в 1988 г. обращается в редакцию: *«Может быть, кто-то из старожилков Новосибирска помнит, где велось захоронение погибших людей и поможет найти их могилы. Предлагаю, если они найдутся... соорудить на народные средства памятник с указанием фамилий жертв жестоких репрессий в Новосибирской области. Ведь те, кто виноват, покоятся, кто в Кремлевской стене, кто около нее, а могилы невинно пострадавших безымянны и безвестны. Все наша семья готова внести в это свою лепту»* (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 507. Л. 18).

По мере развертывания перестройки и гласности практика «суда над прошлым» порой обретала вполне конкретные, «институциональные» формы. Во многом это было связано с деятельностью общества «Мемориал». В 1987 г. в Москве была создана неформальная организация «Мемориал», преобразованная в начале 1989 г. в одноимен-

ное международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество. Многие региональные филиалы этой организации активно действовали в регионах уже с 1987–1988 гг. Так, осенью 1988 г. свой «Мемориал» был образован в Омске. Согласно уставу «Омского мемориала», важной его задачей явилось «содействие восстановлению исторической правды о преступлениях сталинизма, о незаконных террористических методах управления государством, изучение их причин и следствий» (ГИАОО. Ф. П-9704. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–4).

Одной из первых акций «Омского мемориала» стало проведение на базе Омского педагогического института «суда над сталинизмом». Событие отразилось на страницах местной периодики и в письмах репрессированных, которые сразу же потоком хлынули в омские газеты. В качестве свидетелей организаторы суда пригласили жителей Омска, чьи родственники пострадали во времена правления И.В. Сталина. На «процессе» выступил 86-летний житель города А.П. Сивец, пострадавший от сталинских репрессий (ГИАОО. Ф. П-9704. Оп. 1. Д. 79. Л. 6).

Присутствовавшая на суде Е. Дубровская на страницах газеты «Молодой Сибиряк» рассказала о реакции студентов-историков в отношении вынесенного приговора: «Уже был поддержан приговор большинством голосов. “Единственной справедливой и законной мерой наказания сталинизма станет его полная ликвидация и как явления в целом, и как пережитка в сознании советских людей”» (ГИАОО. Ф. П-9704. Оп. 1. Д. 79. Л. 5).

И все-таки имя Сталина исчезло из символического пространства страны (памятники, названия улиц, домов культуры и т. д.) еще в ходе предыдущей «оттепельной» десталинизации. В 1980-е гг. разговор о сталинском наследии переходит на качественно иной уровень. Тема сталинизма становится поводом для дискуссий не только о диктатуре и массовых репрессиях, но и о дне сегодняшнем. В полемику активно вступают как антисталинисты, так и сталинисты. В письме в «Советскую Сибирь» от 4 августа 1988 г. автор, подписавшийся «Рыбачок», высказывает суждение о том, что публикации, обличающие И. Сталина, есть не что иное, как попытка отвлечь народ от неудач перестройки: *«...И вот там пишут, что народ озлобил Сталин. Так ли это? Конечно, не так. В сталинские времена народ был беден, но были все как-то жизнерадостнее, дружные. Молодежь была дисциплинированной... Никто не шастал по подъездам»* (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 539. Л. 17). Автор, подписавшийся как Н.М. Тухачевский, пишет о «горбачизме» и о том, *«что при Сталине не было такого бардака, как при Горбачеве»* (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 539. Л. 13).

В то же время в «Советскую Сибирь» как реакция на публикации в центральной печати приходят письма людей, оценивающих Сталина и времена его правления крайне отрицательно. Автор

письма, озаглавленного «И еще о Сталине. Глазами современника», выступает против высказанного на страницах газеты «Советская культура» предложения о создании общества памяти Сталина: *«Что нам импонировало в Сталине? – его спокойное величавое достоинство, которое позволяло ему – сыну сапожника вести переговоры на равных с лордом Черчиллем и президентом Рузвельтом. Но это было не достоинство советского коммуниста, а скорее, грузинского князя, упивающегося своей властью и мнимым величием. Что дал нам Сталин? – безграничный свинцовый страх перед ним, который сковывал инициативу и на фронте, и в тылу, парализовал ум и мысль».*

Далее автор называет советское искусство, прославлявшее И. Сталина, «опиумом для народа», а также упоминает, что отождествление Сталина с победой в Великой Отечественной войне исторически неправомерно, поскольку Сталин «проспал войну»: *«Войну выиграл Советский народ и солдатская честь и слава. Сталин не жалел их, не разрешал даже сдаваться в плен, что было равносильно измене Родине»* (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 508. Л. 2-3).

Отличительной чертой перестроечной десталинизации стал процесс официального осуждения деятельности ближайшего соратника Сталина, члена Политбюро и секретаря ЦК ВКП (б) А.А. Жданова, чье имя в советском обществе во второй половине 1980-х гг. прочно ассоциировалось не столько с успехами в строительстве крупнейших предприятий в годы первых пятилеток и обороной Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, сколько с идеологическими «заморозками» периода послевоенного сталинизма, репрессивными акциями против интеллигенции, травлей деятелей культуры. В период перестройки Жданов, являвшийся в годы сталинизма вторым человеком в партии, посмертно разделил вместе со Сталиным ответственность за все преступления советского режима. Имя А. Жданова было предано общественному ostrакизму (при этом заметим, что, в отличие от Сталина, Жданов не подвергался осуждению в рамках «оттепельной» десталинизации).

Проходившая в печати кампания по осуждению деятельности А.А. Жданова как одного из главных организаторов массовых репрессий 1930–1940-х гг. нашла отражение в письмах советских людей. В письме в редакцию «Советской Сибири» от 4 августа 1988 г. читатель А. Добрынин задается вопросом: *«Почему после публикации в “Огоньке” правды про деятельность А.А. Жданова в годы правительственных репрессий 30-х годов остаются в Новосибирске места, названные его именем? Например, ДК им. Жданова на Красном проспекте”.* По моему личному мнению и мнению всех нормальных людей, имя А.А. Жданова надо немедленно убрать, и в этом должна помочь газета, пока не поздно» (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 507. Л. 34).

Репрезентация исторических знаний путем публикации статей на тему репрессий против интел-

лигенции породила отклик не только в ее среде, но и среди рабочих, служащих. В письме на имя председателя Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся (копия – в редакцию «Советской Сибири») о необходимости вынесения на очередную сессию Горсовета вопроса о переименовании улицы и дома культуры имени Жданова в Новосибирске высказались работники ПО «Сибсельмаш»: *«В истории Советского государства трудно найти деятеля, который бы сделал больше для искоренения культуры, чем А.А. Жданов. Достаточно вспомнить, что он лично преследовал М. Зощенку и А. Ахматову – гордость нашей культуры. Сочетание слов “культура” и “Жданов” кощунственно. Тем не менее в Новосибирске существует Дом культуры им. Жданова»* (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 507. Л. 36).

Интересно, что посыл письма не ограничивается требованием осуждения сталинских репрессий. В нем присутствует тревога за судьбу демократических преобразований, главная претензия обращена в настоящее: *«Четвертый год в стране идет перестройка, однако приметы времени застоя продолжают спокойно существовать в Новосибирске, “украшая” его, как бельмо глаз... Вряд ли новосибирцы потерпели бы улицы Берии или Ежова, а улица Жданова, лично пописывавшего смертные приговоры ни в чем не повинных людей, есть!.. Подобную аномалию вряд ли можно оправдать материальными издержками – моральные от сохранения таких названий неизмеримо выше. Чего ждут работники городской власти: указа сверху, конца перестройки или им вообще безразлично, чьи имена носят улицы и культурные объекты родного города?! В истории нашего города достаточно имен, которыми мы можем гордиться. Имена этих людей и должны носить улицы и дворцы культуры»* (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 507. Л. 36).

Просьбы убрать из городской топонимики фамилию А.А. Жданова реже, но сопровождалось конкретными предложениями на тему, чьи имена необходимо увековечить в пространстве города, заменив ими названия в память об одиозных советских деятелях. Так, в том же письме работников «Сибсельмаша» прозвучало предложение переименовать ул. Жданова в ул. Лисицина (В.И. Лисицин – бывший директор завода им. В.И. Чкалова, живший как раз на этой улице) (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 507. Л. 36).

В 1989 г. вышло Постановление ЦК КПСС «Об отмене правовых актов, связанных с увековечиванием памяти А.А. Жданова» (как отмечалось, «в связи с многочисленными обращениями трудящихся»). В Новосибирске, в котором в 1990-е гг. не произойдет топонимической революции, многочисленные переименования коснутся именно объектов, связанных с именем Жданова: улица его имени станет улицей Авиастроителей, а Дворец культуры получит название «Энергия». Исчезнет улица Жданова и с карты Омска, получив

наименование «Ул. Москаленко» (в честь И.В. Москаленко – солдата, погибшего в Афганистане в 1987 г.), но это переименование, в отличие от Новосибирска, станет не единственным. Исчезло с карты Омска и имя первого секретаря Омского обкома КПСС Е.П. Колущинского. «Омский Мемориал» выступил с требованием переименовать ул. Колущинского в центре Омска, поскольку подпись этого партийного работника «стоит под списками репрессированных» (ГИАОО. Ф. П-9704. Оп. 1. Д. 55. Л. 5).

В то же время в годы перестройки отчетливо проявилась и консервативность исторической памяти общества. В этом плане характерна история реконструкции Дома Ленина в Новосибирске. Дом, построенный в 1924–1926 гг. в качестве памятника первому руководителю советского государства, в 1980-е гг. находился на реконструкции, после которой был передан на баланс Новосибирской филармонии. Вопрос о судьбе Дома Ленина в 1987–1988 гг. вызвал бурные дискуссии в печати. В редакцию газеты «Советская Сибирь» пришло множество писем от горожан (следует сказать, людей разных возрастов: от студентов до пенсионеров), демонстрирующих инерцию мышления, а также положительное восприятие населением традиционной праздничной пропаганды, нежелание жителей отказываться от привычного восприятия старых памятников. Приводим цитаты из нескольких писем-откликов на статью писателя А.И. Плитченко «Вернем дому идею!»: «Дом Ленина – памятник В.И. Ленину. Он должен отвечать своему изначальному назначению, служить людям их просвещению и воспитанию»; «В Доме Ленина должен быть музей нашей партии, Гражданской войны, Отечественной войны и др.»; «Убеждены, что мы поступим правильно, если создадим в Доме Ленина Музей истории революции в Сибири, который будет отвечать первоначальному назначению Дома Ленина, т. е. утверждать идеи ленинизма, и тем послужит наилучшим образцом памяти великому вождю всех народов»; «Никак не должны совмещаться Дом Ленина, сквер Героев революции и филармония» (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 480. Л. 9–29).

Стабильность коллективной памяти проявилась и в отношении самой фигуры Ленина, а не только памятников в его честь. В 1989–1990 гг. образ Ленина постепенно лишается ореола сакральности, но многие читатели и в 1990-е гг. продолжали оценивать личность и историческую роль В.И. Ленина в традиции советских пропагандистских штампов. «Но можно ли забыть человека, который вернул чувство собственного достоинства всем труженикам и угнетенным? Человека, который помог кухаркиным детям получить образование и стать наравне с родовитыми дворянами?» – задается вопросом жительница Новосибирска П. Батонова в 1993 г. Пенсионер В.В. Артемьев в письме сожалел, что «глумление над Лениным» не преследуется по закону (ГАНУ. Ф. Р-1842.

Оп. 1. Д. 524. Л. 8). Но иногда в письмах даже более раннего периода (1989 г.) встречаются и противоположные суждения: «Ленин больше повинен в убийстве людей. Его сделали Богом» (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 524. Л. 22). Подобные высказывания немногочисленны.

Читатель М. Токарев, 36 лет, в 1989 г. выступает с резкой критикой в адрес партии, членом которой он, согласно подписи, является с 1976 г. Частично М. Токарев транслирует официальное в годы перестройки мнение о том, что кризис в стране и обществе является прямым следствием отхода во времена Сталина от «ленинских принципов»: «Вспомните слова В.И. Ленина о том, что любая монополия ведет неизбежно к застою и загниванию. В том числе и на политическую власть... Наша история – лучшее тому доказательство, так как за 72 года полной и безраздельной власти партия так и не смогла сделать так, чтобы народ был накормлен и одет, как он того заслуживает. Все это время мы шли курсом партии, поэтому не надо все валить на отдельных личностей. Нужно признать, что то позорное состояние, в котором оказалась наша страна, – это результат “мудрой” политики партии» (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 524. Л. 15).

Стимулом для написания письма в газету нередко становились юбилейные события. Авторы зачастую сами делали на письмах пометки «К 100-летию Новосибирска» или «К 70-летию Октября». В основной массе эти тексты представлены не столько семейными воспоминаниями, сколько пересказами различных исторических сведений, ставших для читателя открытием, которым он захотел поделиться со всем остальным «миром». Подобные, без авторского «я» письма, вписывающиеся в общепринятую идеологическую концепцию, встречаются и в самом начале перестройки, и в 1990-е гг. В 1985 г. отмечалось 160-летие восстания декабристов. Именно этой дате посвятил свою рукопись И.П. Мусаткин.

В письме в «Советскую Сибирь» автор демонстрирует классический взгляд на декабристов как на борцов с царским самодержавием и первых революционеров: «Основной ведущей идеей мировоззрения декабристов является их пламенный патриотизм, горячая, беспредельная любовь к своей Родине и своему народу» (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 406. Л. 9). Читатель подчеркивает вклад, который декабристы внесли в развитие Сибири: «Декабристы оказали большое влияние на культуру Сибири. Они основывали школы, создавали библиотеки, лечили народ, вводили новые сельскохозяйственные усовершенствования» (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 406. Л. 12). Автор письма обращает внимание и на то, что царизм пытался дискредитировать декабристов, называя их «злодеями» и «изуверами», «выставляя неучами и невеждами, нахватавшимися западных идей» (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 406. Л. 14).

Подготовка к столетнему юбилею Новосибирска, праздновавшемуся в 1993 г., подтолкнула множество жителей города к изучению его истории. Новосибирцы Г. Власов, А. Дюнин и К. Коржавин обратились в газету с предложением установить пролет старого моста в качестве памятника основанию города (идея была воплощена в жизнь в 2000 г. при формировании пространства парка «Городское начало»). Член клуба «Экзотика» Г.И. Михайлов предлагает упорядочить к юбилею городские улицы: много однообразных названий вроде Балластной, Батарейной, Бетонной, Боевой и т. п. А. Чернышев прислал в газету историческую заметку о новосибирской ТЭЦ. Другой читатель пишет биографическую справку об одном из основателей Новосибирска – Г.М. Будагове и т. д. (ГАНО. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 471. Л. 10–11, 17, 19–22, 73–77).

Знаковой чертой перемен в коллективных представлениях о прошлом в период 1980-х – 1990-х гг. становится пробуждение активного интереса людей к старине и деятельности по сохранению и возрождению историко-культурного наследия. Ярким примером является реакция людей на статью «Спасти деревянное чудо». Многие не только высказывали возмущение по поводу неразумного отношения к памятнику прошлого, но и озвучивали предложения, которые должны были способствовать его сохранению. Читательница М.Н. Наверцена писала: «Пусть реставраторы сделают все возможное, чтобы спасти умирающий собор, местные жители должны помочь им в этом, а не препятствовать. Ведь все мы, сибиряки, патриоты своего края. Не дайте погибнуть чуду» (ГАНО. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 562. Л. 2). Схожие мысли высказал и читатель Г. Анкудинов: «Наша область настолько бедна памятниками старины, что об этом и говорить-то даже нелегко. Так почему же мы должны потерять столь величественное сооружение в деревне Турнаево?.. Его охрану должен взять на себя областной совет ВООИП (вероятно, имеется в виду Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК. – С.Н.))» (ГАНО. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 562. Л. 5).

Характерной и еще одной уникальной особенностью изменений общественно-политического климата в стране во второй половине 1980-х гг. становится оживление религиозной и церковной деятельности, а также развертывание различных дискуссий на эту тему. В Новосибирске подобная полемика разгорелась вокруг передачи здания первого городского храма (собора Александра Невского) под нужды филармонии. Несмотря на то что советское государство на протяжении всего своего существования проводило последовательную атеистическую пропаганду среди населения и осуществляло жесткую антиклерикальную политику, общество в конце 1980-х – начале 1990-х гг. отличалось высоким уровнем толерантности в вопросах религиозной веры. Об этом свидетельствует,

например, лишенное какого-либо фанатизма письмо читателя М.В. Зиброва, откликнувшегося на статью в газете «Вечерний Новосибирск»: «Так как Храм строился на средства людей набожных, следовательно, потомкам таковых и должен принадлежать сейчас, то есть людям верующим, православного вероисповедания. Дом Ленина, о котором также говорится в статье, конечно же, должен принадлежать последователям Ленина. “Кесарю кесарево, а Богу Богово”» (ГАНО. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 543. Л. 2). Схожее суждение высказал в письме в «Советскую Сибирь» ветеран войны и труда А.П. Вязников: «Как это можно в интересах группы людей “любящих петь хором” уничтожить редчайший памятник культуры прошлого – храм Александра Невского?.. Почему допускается это глумление над храмом? Храм – это храм, а не место хоровых пений! Сам я атеист. Не признаю никакую религию, однако я уважаю религиозные чувства верующих. С этим считаться надо» (ГАНО. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 543. Л. 53).

Сами же верующие в письмах с просьбами о передаче собора православной церкви нередко апеллировали к идее сохранения храма как памятника архитектуры: «Мы, верующие жители Новосибирска, просим горисполком через Вашу газету о том, чтобы собор им. Александра Невского передан Новосибирской епархии для спасения этого уникального в своем роде памятника русского зодчества... Обещаем отремонтировать за счет верующих и полностью сохранить как памятник» (ГАНО. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 543. Л. 4).

Деконструкция советского «героического пантеона» в начале 1990-х гг. сопровождалась акциями по переименованию улиц городов и различных объектов. В основном топонимические битвы и «войны памяти» происходили в столичных городах (Москве, Санкт-Петербурге), однако и сибирские центры были вовлечены в жаркие дискуссии о том, чьи имена должны быть увековечены в городском пространстве. Неравнодушные жители Новосибирска тогда тоже активно высказывались. Из письма новосибирца А. Будовских: «Я тоже ветеран войны и труда, но полностью поддерживаю решение граждан многих городов России заняться топонимикой городов, улиц, колхозов и т. д. Не должны наши города и села, площади и улицы носить имена вдохновителей звериной морали и идеологии их символов... А какую партию приветствует Неустроев? Да ту же – Коммунофашистскую, которая с октября 1917 г. и по август 1991 г. уничтожала десятки миллионов ни в чем не повинных, в основном высокообразованных и талантливых людей» (ГАНО. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 627. Л. 2). Иное мнение по тому же вопросу выражает читатель А. Толстых: «Истории города нет и 100 лет. Фактически 75 лет город рос и развивался вместе с советской властью, с Советским Союзом. Так зачем же название ул. Советской менять на Кабинетную?» (ГАНО. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 543. Л. 4).

С наступлением 1990-х гг. в письмах острее чувствуется обеспокоенность людей социальными проблемами. Эта тревога слышится в текстах, связанных и с вопросами исторической памяти. Данное состояние сопровождается частичным ослаблением интереса к осмыслению прошлого: «*Мы, работники ДК им. К. Цеткин, и наши знакомые считаем, что переименование улиц, площадей нашего города не ведет к улучшению жизни жителей нашего города, а 20 членов комиссии, которые работают в этой области, свою энергию, деньги, отпущенные на это, должны употребить на наведение порядка на улицах – закопать все ямы, где вскрывают водо- или теплотрассу, заасфальтировать, озеленить, облагородить остановки транспорта...*» (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 543. Л. 7).

В это же время топонимическая дискуссия иной раз пробуждала у жителей интерес к различным «любопытным» фактам из истории основания города, порождала стремление поделиться своими знаниями. Читательница М. Востокова в письме от 20 марта 1992 г. пишет: «*Я слышала, что улицу нашего города, называемую Большевицской, хотят переименовать. Так вот, я предлагаю назвать улицу Большевицскую – Будаговской в честь инженера Будагова. Она так когда-то и называлась*» (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 543. Л. 10).

В середине 1990-х гг. читательская активность резко снижается. Фонд газеты «Советская Сибирь» содержит несколько десятков писем, в которых люди писали о проблемах современной деревни, национальном вопросе, принятии нового герба. Несмотря на годы интенсивного внедрения в общественную жизнь различных свобод, жители постсоветской России трудно принимали новое. Во многих письмах содержится критика проекта «старого»-нового герба (двуглавого орла). Среди критических суждений встречались и весьма экстравагантные по своей подаче: «*С точки зрения аэродинамики лишняя голова орла – это лишний вес и лишнее аэродинамическое сопротивление. Далее, в полете головы постоянно болтаются одна относительно другой, что нарушает центровку. Таким образом, в полном согласии с законами аэродинамики двухголовому орлу соответствует поговорка: “Рожденный ползать летать не может”*» (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 647. Л. 4).

Дискуссия о новом гербе иллюстрирует еще несколько особенностей эволюции представлений о прошлом, носителем которых являлись наши соотечественники в период 1990-х гг. – инертность советского сознания, а также чувство растерянности, стремление опереться на «привычную» советскую идеологическую традицию. Из письма, датированного 1993 г.: «*...За последнее время, насколько я информирована, у нашего народа в мозгах “проясняется”, и все чаще мы оглядываемся на наше прошлое и сожалеем о том, что пренебрегли, опорочили, оплевали (в натуре), хотели сделать как лучше, а получилось наоборот, старое разрушили, а нового ничего никто не предложил. Когда ком-*

мунисты во главе с В.И. Лениным со всем народом утвердили свой герб, гимн, свои знамена, свою форму правления и т. д. Почему же сейчас мы вытаскиваем двуглавого орла? Вот уже душа чего не принимает и не понимает» (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 647. Л. 7–8).

Читательские письма 1990-х гг., касающиеся исторической тематики, содержат сведения по истории Сибири, о выдающихся сибиряках, не связанных с политической жизнью XX в., или «старорежимных» деятелях. Проблематика «исторических» писем 1990-х отражает некоторые тенденции, свидетельствующие об информационном перенасыщении материалами по истории XX столетия и, наоборот, нехватке актуальной, деидеологизированной информации по дореволюционному периоду истории.

Обращаясь к письмам гуманитариев, можно выявить отдельные сюжеты. Известный новосибирский историк-краевед И.Ф. Цыплаков в 1996 г. присылает в редакцию «Советской Сибири» свои очерки, посвященные первому сибирскому губернатору М.П. Гагарину (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 702. Л. 17). Затем И.Ф. Цыплаков присылает очерки о Н.П. Литвинове – организаторе первого врачебного пункта для строителей железнодорожного моста (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 734. Л. 16–27). Член Союза писателей РФ Г.А. Насыров присылает в газету свой очерк «Для Сибири была несвоевременной» об Октябрьской революции 1917 г. Автор пишет об успешном развитии Сибири в дореволюционные времена, но в то же время не отрицает масштабного развития Сибири и после революции (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 734. Л. 28–31).

Одной из очередных топонимических дискуссий 1990-х гг. стала полемика вокруг имени выдающегося сибирского архитектора А.Д. Крячкова. Именем Крячкова предлагали назвать одну из центральных площадей Новосибирска, носящей имя Свердлова. Предлагались и иные варианты увековечить имя известного зодчего: «*...целесообразно присвоить имя А.Д. Крячкова Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии, тем более он стоял у истоков ее создания и преподавал архитектуру в строительном институте, от которого и отделилась академия*» (ГАНУ. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 734. Л. 13).

Отметим, что массив писем, поступивших в редакцию сибирских газет с 1993 по 2000 г., количественно значительно уступает лавине читательских откликов, обрушившейся на периодические издания в 1987–1992 гг.

Заключение

Отличительной чертой материалов эпистолярного наследия как исторического источника является субъективность, что делает анализ содержащихся в письмах суждений и оценок сложным в исследовательской работе. При этом письма читателей крупных газет – важнейший источник изучения коллективной памяти. В нашем случае при об-

ращении к временам перестройки и постперестроечного периода этот массив эпистолярного наследия становится едва ли не основным источником изучения феномена «обратной связи» – читательской реакции на процессы трансформации официальной исторической памяти, изменения политики памяти. Гласность и свобода слова второй половины 1980-х – 1990-х гг. способствовали актуализации взаимодействия народной памяти и профессиональной исторической науки и публицистики. Субъективная память, получившая право на существование, формирует посредством этой «обратной связи» новые формы коллективных представлений о прошлом.

Практика осмысления прошлого, всенародно-го публичного обсуждения истории страны стала одной из важнейших основ формирования постсоветского общества. На примере рассмотренных источников, не претендуя на ключевые обобщения, мы установили основные исторические сюжеты, занявшие наиболее значимые места в коллективной памяти сибиряков. Сюда следует отнести попытки обнаружения сведений о пострадавших в годы сталинизма и рефлексию на тему личного «репрессивного» опыта; оценки роли в истории страны советских государственных и партийных деятелей (в первую очередь В.И. Ленина, И.В. Сталина, А.А. Жданова); дискуссии о значении памятников историко-культурного наследия, проблеме символического наполнения облика городов; реакцию на политические процессы 1980-х – 1990-х гг. и их связь с историческим прошлым; пробуждение интереса к локальной истории и краеведению сибирских городов. Начало дискуссий на тему истории на уровне писем читателей – свидетельство важнейших сдвигов в процессах трансляции и трансформации коллективной памяти. Сам факт бурного потока «устной», «народной» памяти, избавления от страха сказать «то, что думаешь/знаешь» стал поводом заявить о начале этапа нового, «постмононаучного» знания и отказе от практики установления единомыслия. Изучение и осмысление этих процессов периода 20–35-летней давности является необходимым условием понимания событий сегодняшнего дня. В этом контексте эпистолярное наследие массового читателя служит незаменимым источником в исследованиях, посвященных коллективной памяти общества.

Источники фактического материала

ГАО – Государственный архив Новосибирской области.

ГИАОО – Исторический архив Омской области.

Библиографический список

Confino 1997 – *Confino A.* Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // *The American Historical Review.* 1997. Vol. 102. No. 5. P. 1386–1403. Available at:

http://warwick.ac.uk/fac/cross_fac/ehrc/events/memory/confino_collective_memory_and_cultural_history.pdf.

Gedi, Elam 1996 – *Gedi N., Elam Y.* Collective memory – What is it? // *History and memory.* 1996. Vol. 8. No 1. P. 30–50. URL: <http://www.humanrightscolumbia.org/biblio/collective-memory-what-it>.

Olick, Sier, Wuestenberg 2017 – *Olick J., Sier A., Wuestenberg J.* The memory studies association: Ambitions and an invitation // *Memory studies.* 2017. Vol. 10. No. 4. P. 490–494. DOI: <http://doi.org/10.1177/1750698017721792>.

Radstone 2008 – *Radstone S.* Memory studies: For and against // *Memory Studies.* 2008. Vol. 1. No. 1. P. 31–39. DOI: <http://doi.org/10.1177/1750698007083886>.

Ассман 2014 – *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с. URL: <http://docplayer.ru/26260948-Aleyda-assman-dlinnaya-ten-proshlogo-memorialnaya-kultura-i-istoricheskaya-politika.html>.

Ассман 2004 – *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. URL: <http://b-ok2.org/book/3061324/469468>.

Кобак 2012 – *Кобак И.В.* Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* Серия 2. История. 2012. Вып. 2. С. 142–148. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pisma-kak-istoricheskiy-istochnik-zadachi-i-priemy-izucheniya/viewer>.

Козлова, Сандомирская 1996 – *Козлова Н.Н., Сандомирская И.И.* «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. Москва: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. 255 с. URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/kozlovar-1.htm>.

Кознова 2003 – *Кознова И.Е.* Историческая память и основные тенденции ее изучения // *Социология власти.* 2003. № 2. С. 23–34. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9231878>.

Леонтьева 2011 – *Леонтьева О.Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: ООО «Книга», 2011. 448 с. URL: http://rushist.samsu.ru/books1/Leontieva_Memory.pdf.

Письма об истории и для истории 2014 – *Письма об истории и для истории.* 1988–1990 годы: коллект. монография / Е.Г. Боярских, Е.Н. Иванова, Т.П. Кальянова [и др.]. Иркутск, 2014. 209 с. URL: <http://hist.isu.ru/ru/science/docs/2016/monography.pdf>.

Репина 2003 – *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Москва: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с. URL: http://www.hse.ru/data/2013/03/23/1295211049/WP6_2003_07.pdf.

Савельева, Полетаев 2005 – *Савельева И.М., Полетаев А.В.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // *Феномен прошлого.* Москва: ГУ ВШЭ, 2005. С. 170–220. URL: http://istorex.ru/page/saveleva_im_a_v_poletaev_av_istoricheskaya_pamyat_k_voprosu_o_granitsakh_ponyatiya.

Сафронова 2019 – *Сафронова Ю.А.* Историческая память: введение: учебное пособие. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с. URL: <http://eupress.ru/books/index/item/id/315>.

Черников 2016 – Черников П.Ю. Проблема изучения исторической и социальной памяти // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2016. № 5. С. 189–194. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=27204637>.

Шуб 2018 – Шуб М.Л. Культурная память: сущностные особенности и социокультурные практики бытования. Челябинск: ЧГИК, 2018. 303 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=36412299>.

References

Confino 1997 – Confino A. (1997) Collective Memory and Cultural History: Problems of Method. *American Historical Review*, vol. 102, no. 5, pp. 1386–1403. Available at: http://warwick.ac.uk/fac/cross_fac/ehrc/events/memory/confino_collective_memory_and_cultural_history.pdf.

Gedi, Elam 1996 – Gedi N. and Elam Y. (1996) Collective memory – What is it? *History and memory*, vol. 8, no. 1, pp. 30–50. Available at: <http://www.humanrightscolumbia.org/biblio/collective-memory-what-it>.

Olick, Sier, Wuestenberg 2017 – Olick J., Sier A. and Wuestenberg J. (2017) The memory studies association: Ambitions and an invitation. *Memory studies*, vol. 10, no. 4, pp. 490–494. DOI: <http://doi.org/10.1177/1750698017721792>.

Radstone 2008 – Radstone S. (2008) Memory studies: For and against. In: *Memory Studies*, Vol. 1, no. 1, pp. 31–39. DOI: <http://doi.org/10.1177/1750698007083886>.

Assman 2014 – Assman A. (2014) The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 328 p. (In Russ.) Available at: <http://docplayer.ru/26260948-Aleyda-assman-dlinnyayaten-proshlogo-memorialnaya-kultura-i-istoricheskaya-politika.html>.

Assman 2004 – Assman Ya. (2004) Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 368 p. (In Russ.) Available at: <http://b-ok2.org/book/3061324/469468>.

Kobak 2012 – Kobak I.V. (2012) Letters as a historical source: the problems and methods of study. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, no 2, pp. 142–148. (In Russ.) Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/pisma-kak-istoricheskij-istochnik-zadachi-i-priemy-izucheniya/viewer>.

Kozlova, Sandomirskaya 1996 – Kozlova N.N. and Sandomirskaya I.I. (1996) «That's what I want to call a movie». «Naive writing»: experience of linguo-sociological reading. Moscow: Gnozis, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 255 p. (In Russ.) Available at: <http://www.a-z.ru/women/texts/kozlovar-1.htm>.

Koznova 2003 – Koznova I.E. (2003) Historical memory and the main trends of its study. *Sociology of power*, no. 2, pp. 23–34. (In Russ.) Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=9231878>.

Leontyeva 2011 – Leontyeva O.B. (2011) Historical memory and images of the past in Russian culture of the XIX – early XX centuries. Samara: ООО «Kniga», 2011, 448 p. (In Russ.) Available at: http://rushist.samsu.ru/books1/Leontieva_Memory.pdf.

Letters about history and for history 2014 – Boyarskikh E.G., Ivanova E.N., Kalyanova T.P. et al. (2014) *Letters about history and for history. 1988–1990: multi-authored monograph*. Irkutsk, 209 p. (In Russ.) Available at: <http://hist.isu.ru/ru/science/docs/2016/monography.pdf>.

Repina 2003 – Repina L.P. (2003) Cultural memory and the problems of history writing (historiographic notes). Moscow: GU VShE, 44 p. (In Russ.) Available at: http://www.hse.ru/data/2013/03/23/1295211049/WP6_2003_07.pdf.

Saveleva, Poletaev 2005 – Saveleva I.M. and Poletaev A.V. (2005) «Historical memory»: on the issue of the boundaries of the concept, in *Phenomenon of the past*. Moscow: GU VShE, pp. 170–220 (in Russ.) Available at: http://istorex.ru/page/saveleva_im_a_v_poletaev_av_istoricheskaya_pamyat_k_voprosu_o_granitsakh_ponyatiya.

Safronova 2019 – Safronova Yu.A. (2019) Historical memory: an introduction: study guide. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 220 p. (In Russ.) Available at: <http://eupress.ru/books/index/item/id/315>.

Chernikov 2016 – Chernikov P.Yu. (2016) The problem of study historical and social memory. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, no. 5, pp. 189–194. (In Russ.) Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=27204637>.

Shub 2018 – Shub M.L. (2018) Cultural memory: essential features and socio-cultural practices of everyday life. Chelyabinsk: ChGIK, 303 p. (In Russ.) Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=36412299>.